

ОБ ОДНОМ ЭПИЗОДЕ ИЗ ИСТОРИИ ДИАДОХОВ. «ГОД ЦАРЕЙ» И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ

Формирование новых государственных объединений (эллинистических монархий) в результате распада империи Александра Македонского стало тем длительным и сложным процессом, начало которому было положено ближайшими преемниками македонского царя. Он проходил в условиях жесточайшей борьбы диадохов за власть. И наиболее важным, на наш взгляд, следствием этого процесса было образование новых представлений о характере царской власти, нового государственного права. Чтобы понять некоторые аспекты этих вызванных потребностями времени изменений, мы считаем необходимым остановиться на одном из любопытнейших политических событий периода диадохов — на принятии Антигоном Одноглазым летом 306 г. до н. э. царского звания.

Этим актом должно было завершиться, по мысли самого Антигона, его долгое восхождение к власти. Начав с поста страгата союзных войск во время восточного похода Александра, получив затем власть над Великой Фригией, Антигон после смерти Александра в 323 г. до н. э. несколько увеличил подвластные ему территории: получил дополнительно сатрапии Ликию и Памфилию. Большинство источников сообщает об увеличении региона его власти в Малой Азии, лишь Юстин и Орозий дают сведения более раннего времени, когда Ликией и Памфилией правил Непарх (Plut. Eum. X; Arr. Anab. I.29.1,3; Ditt. Syll. 3.1.278. 1.6.; Diod. XVIII. 263; Arr. Alex. 1—6; Held. Eprt. I. 1—4; Dexipp. Succ. Alex. 1—4; Curt. 5. 7—10; Just. XIII. 1—4. 15; Orosius. III. 28.8) ¹.

В разгоревшейся затем междоусобной борьбе Антигон постарался избавиться от навязанной ему обстоятельствами второстепенной роли: отказался покориться приказам Пердикки, покинул Малую Азию и сообщил Антипатру о новых планах тогдашнего регента ². Распря между сторонниками Антипатра и Пердикки имела большое значение для сатрапа Великой Фригии: он стал одним из активнейших помощников Антипатра и вошел в число могущественных политиков своего времени (Diod. XVIII. 17.22—23; Arr. Succ. Alex. II. 20, 24, 26; Just. XIII. 6.1—9) ³.

Поэтому при разделе сатрапий в Трипарадисе в 321 г. до н. э. ⁴ Антигон не только получил в дополнение к прежним новую сатрапию — Ликаонию, но и стал стратегом царского войска, в мирное время он был обязан заботиться о царской фамилии, а вскоре ему было поручено как можно скорее очистить Азию от союзников Пердикки (Diod. XVIII. 39.6—7; Arr. Succ. Alex. 37.38.48; Just. XIII. 8, 10; XIV. 1.1—2).

Перед началом открытой борьбы с Эвменом он получил новое назначение — стал полномочным стратегом (*strategos autokrator*) Азии или, согласно вольному истолкованию этого титула Аппианом, «блюстителем (*episkopos*) всей Азии»⁵ (Diod. XVIII. 40.1; 50.1; App. Syr. 53).

В поведении нового стратега-автократора Азии можно выделить два этапа: до смерти Антипатра, когда Антигон полностью зависит от регента, и после его смерти, когда стратег Азии резко превышает свои полномочия, пытаясь заключить мир с Эвменом, изгоняя из малоазийских сатрапий своих противников, назначая на их должности своих ставленников. Победа Антигона над Эвменом позволила ему к 316 г. распространить свое господство над так называемыми верхними сатрапиями, которые также были поделены между его сторонниками⁶. Таким образом, попытка Антипатра сохранить контроль центральных властей над азиатской территорией путем введения стратегии⁷ послужила толчком для начала распада греко-македонской державы на восточную и западную части, которые, как показали последующие события, оказались ничем не связаны друг с другом (Diod. XVIII. 48—49; 50.4—5; 52. 3—7; XIX. 12—14; 15.6; 17—32; 34.7; 39—44; 48.1—2; Plut. Eum. XII—XIX; Just XIV. 5.1—4; Polyae. IV. 6.11—13; 8.2; Marm. Par. B. ep. 12).

Усилением Антигона оказались весьма недовольны другие правители. Воспользовавшись конфликтом между стратегом Азии и Селевком, Птолемей, Кассандр и Лисимах предъявили ему в 315 г. свои требования о разделе захваченных им территорий и сокровищ. Началась война Антигона с коалицией 315 г. Она шла с переменным успехом вплоть до 311 г., когда с большим трудом Антигону удалось добиться сепаратного мира сначала с Кассандром и Лисимахом, а позднее и с Птолемеем (Diod. XIX. 48.7—8; 55.1—3; 56; 57.1—4; 61.1—4; 62—64; 66—69; 73—75; 77—80; 81—96; 105.1; Plut. Dem. V—VIII; Just. XVI. 2—5; Memn. IV. 7; App. Syr. 53; Paus. I.6; Marm. Par. B. ep. 16; OGIS. I.5)⁸. Результатом мирного договора 311 г. было сохранение прежнего *status quo*, что в условиях борьбы стратега Азии с коалицией было его политическим успехом. Если же иметь в виду и увеличение подвластных ему территорий (завоєована Кария, под надзором его чиновников была Палестина, союз с царем Вифинии и, наконец, контроль над Островной Лигой эллинов), то можно говорить об явной дипломатической победе Антигона⁹. Хотя при этом нельзя не отметить, что и у него были потери: Селевк захватил Вавилонию, Сузиану, Мидию, наконец, верхние сатрапии (Diod. XIX. 100. 4—7; XX. 53.4; Plut. Dem. VII.2; Ar. Ind. 43; Polyae. IV.9.1).

Мир 311 г. до н. э. был крайне непрочен, и уже в следующем году Птолемей Лаг начал войну с Антигоном, что заставило последнего более активно заняться поисками союзников в среде греческих полисов. В 307 г. его старший сын Деметрий достиг

определенного успеха на территории материковой Греции, но был отозван отцом для борьбы с Птолемеем на Кипре. Морская битва при Саламине принесла Деметрию убедительную победу (Diod. XIX.105.2; XX.19.1—2; 20; 28; 37; 45—46; 48—53; Held. Epit. 1.7; Plut. Dem. VIII—XIV; Just. XV.2.10—14; Polyae. IV.7.6—7; App. Syr. 54; Paus. I.6.6; Marm. Par. B. ep. 21).

Это событие и послужило толчком для принятия Антигоном царского звания. Он полагал, что его моральный и политический авторитет отныне так силен, что данный акт не вызовет возражений со стороны уже духовно готового к нему эллинистического мира¹⁰. Напротив, на протяжении всех предыдущих лет для Антигона характерным было стремление любым способом подчеркнуть свою лояльность по отношению к центральным македонским властям, прикрыть легальным титулом фактическую узурпацию им власти после смерти Антипатра. Это подтверждается прежде всего нумизматическим материалом.

В период своего господства над Азией до 306 г. Антигон выпускает серию монет с именем и символами Александра¹¹, затем — помеченную именами Антигона и Деметрия¹². Чеканя монеты персидского типа — двойные дарики и статеры, на которых выбиты начальные буквы имен Антигона и его сына¹³, — он следовал практике Александра и Селевка на Востоке¹⁴.

Мы знаем, что когда в 316 г. Антигон получил царские почести от населения Персиды, они не оказали никакого влияния на его официальное звание. В вавилонских документах того же времени по отношению к нему употребляется термин «gab ugu», что соответствует греческому «стратег»¹⁵. Получив от царицы Эвридики подтверждение своих прав стратега-автократора Азии, он счел данный титул оправданием для последующих действий в собственных интересах. Присвоенное ему в 315 г. на воинском собрании под Тиром звание регента царства также служило политическим камуфляжем (Diod. XVIII. 40.1; 48.1—50; 1—4; XIX. 60.1—3; Just. XIV. 5.2—3).

Победа 306 г. до н. э. под Саламином Кипрским была осознана Антигоном как некий переломный момент в своем положении. После нее он открыто выступил с притязаниями на царскую власть. Планы, связанные с получением единоличной царской власти, вынашивались им, видимо, давно. Длительное пребывание на Востоке, получение от местного населения Персиды царских почестей (*times basilikes*), несомненно, сыграли в этом свою роль. Отметим, что Антигон находился в сходном с некоторыми другими правителями периода диадохов положении. Диодор указывает, что Селевк после возвращения в 312 г. в Вавилон получил от вавилонян царское звание (*basilikon anastema*). Плутарх в биографии Деметрия подтверждает это, говоря, что Селевк носил звание царя у варваров задолго до того, как был признан таковым среди эллинов (Diod. XIX. 348.1; 92.5; Plut. Dem. III).

Победа Деметрия при Саламине была воспринята его отцом как бесспорное доказательство их военного и политического превосходства, единственно бесспорного на фоне предыдущей, шедшей с переменным успехом борьбы. Это обстоятельство сыграло основную роль в последующем решительном шаге Антигона — акте провозглашения его и его сына Деметрия царями¹⁶.

Сопутствующие этому событию обстоятельства освещаются источниками по-разному. Диодор Сицилийский подчеркивает прежде всего личную инициативу Антигона, который, по его словам, «наполнившись гордостью от величия (своего) преимущества, возложил на себя диадему и затем объявил себя царем, согласившись, чтобы и Деметрий получил то же самое звание и честь (*prosegorias kai times*)». Данная трактовка событий 306 г. вполне соответствует последующей характеристике Антигона у Диодора: «Царь Антигон, ставший правителем из положения частного лица (*ex idioton*)». Не противоречит этому термин «*autourgos*», которым Элиан определяет статус Антигона и который, как убедительно показал П. Бриан¹⁷, имеет иносказательный смысл: «Тот, кто сам себя сделал» (*Diod. XX. 53.2; XXIX Fr. 4a; Ael. Hist. Var. XII.43*).

Аппиан, напротив, указывает, что после блестящей победы при Саламине войско (*stratos*) провозгласило Антигона и Деметрия царями, т. е. рассказывает о чисто внешних обстоятельствах события. Юстин же наряду с этим несколько приоткрывает завесу над событиями, предшествовавшими самому акту: Антигон приказал народу¹⁸ провозгласить царями себя и сына — «*regem se cum Demetrio filio appellari a populo jubet*» (*App. Syr. 54; Just. XV.2.10*).

Наконец, Плутарх передает подробный рассказ о том, как это происходило. После победы при Саламине один из соратников Антигона Аристодем из Милета¹⁹ был послан Деметрием к отцу с вестью о победе. В умело разыгранной сцене Аристодем провозгласил Антигона царем, народ же (*plethos*), следующий за ним по пятам, подхватил его крик (*Plut. Dem. XVII — XVIII. 1*).

Таким образом, Плутарх показывает, что войско Антигона и Деметрия, население того города, где весть о победе застала Антигона, были подготовлены к решительным действиям кругом их ближайших «друзей». Аристодем, несомненно, действовал по заранее и тщательно разработанному плану²⁰. При сопоставлении всех имеющихся у нас сведений можно, как нам представляется, прийти к следующему выводу: в событиях 306 г. до н. э. налицо и личная инициатива Антигона, и непосредственное участие в этом его приближенных из числа друзей, и участие армии. В акте провозглашения Антигона Одноглазого царем можно выделить две дополняющие одна другую (что, в сущности, удивительно, ибо они всегда противостоят друг другу) политические тенденции. Первая была связана с опорой на македон-

скую традицию, которая ссылалась на такой авторитет, как Филипп II, и требовала при необходимости принятия важных решений участия такого конституционного у македонян органа, как армия²¹. Вторая должна была учитывать новые, вызванные эпохой эллинизма веяния, которые должны были служить оправданием права диадохов на царский титул. Неоспоримым доказательством такового права они считали «личное превосходство и реальное преобладание в борьбе за власть»²².

Действия Антигона послужили примером для других династов. Сначала Птолемей Лаг, а вслед за ним Кассандр, Лисимах и Селевк также возложили на себя царскую диадему (Diod. XX.59.2—3; Held. Epit. I.7; Plut. Dem. XVIII.1; Just. XV.14; App. Syr. 54).

При этом они исходили из иных, нежели Антигон, соображений, подчиняясь тенденциям централизации, которые определили судьбу империи Александра, пожалуй, сразу же после его смерти. Птолемей, Кассандр, Лисимах и Селевк стремились таким путем утвердить свои притязания на находящиеся в их власти территории, в отличие от первых Антигонидов, считавших себя полноправными и единственными наследниками власти Александра Македонского и желавших объединить под своим господством всю территорию его бывшей державы.

Стремление подчеркнуть законность притязаний и преемственность власти от Александра легко можно проследить на нумизматическом материале. Тенденция использования Антигонидами символики его монет получает развитие после 306 г. Среди монетного материала, приписываемого им, нужно отметить тетрадрахму уже известного типа: с головой Геракла на лицевой стороне. В период пребывания в Греции в 303—301 гг. Деметрий Полиоркет выпускает золотые статеры с изображениями, принятыми у Александра во время его похода на Восток. На лицевой их стороне помещено изображение головы Афины Паллады, на оборотной — фигура богини Ники с венком и трезубцем. Она, видимо, должна была напоминать о победе Деметрия под Саламином. Любопытны и смежные с этим типом монет золотые статеры, которые имеют на реверсе изображение Ники с венком и скипетром. Данный нумизматический материал содержит прямое указание на царский титул отца и сына²³.

И, наконец, весьма интересен, на наш взгляд, золотой статер, выпущенный Деметрием в Пелопоннесе. Его лицевая сторона украшена изображением Афины Паллады в шлеме с портретными чертами Деметрия Полиоркета, на оборотной стороне помещены начальные буквы имени «Александр»²⁴. Это первое в истории эллинизма изображение монарха на монетах. Есть все основания считать, что статер должен был напоминать о широко пропагандируемом сыном Антигона своим божественном происхождении. В 302 г. до н. э. Деметрий объявил себя млад-

шим братом богини Афины и поселился, как сообщает об этом Плутарх, в ее храме на Акрополе. Помещая на монете начальные буквы имени «Александр», он скорее всего желал таким путем подчеркнуть преемственность своей власти (Plut. Dem. XXIV. 1).

Ко времени правления Антигона и Деметрия в Азии относится интересный памятник — саркофаг сидонского «царя», известный в науке как «саркофаг Александра». Ж. Шарбонно высказал предположение о том, что на рельефах его изображены Антигон и Деметрий. Он убедительно, на наш взгляд, доказывает это сопоставлением фигур саркофага с портретом Деметрия Полиоркета и неизвестного лица, возможно, его отца²⁵, на монетах, выпущенных Деметрием в период правления в Македонии. Один из рельефов саркофага посвящен изображению сцены охоты на льва, в которой принимает участие Деметрий. Охота на львов — развлечение для избранных, в частности, для царей из рода Ажменидов. Мнение Ж. Шарбонно о том, что это могло преследовать своей целью представить сына и наследника царя Антигона законным преемником персидских царей²⁶, кажется нам верным.

Наконец, некоторые аспекты правления Деметрия Полиоркета в Македонии показывают, что и после битвы при Ипсе он по-прежнему претендовал на господство над всей Азией, считая только себя законным наследником Александра Македонского²⁷. Особенно выразительными в этом плане нам кажутся данные исторического анекдота, переданного Плутархом и Афинеем²⁸. По их словам, льстецы на пирах Деметрия должны были лишь его называть царем, Птолемея же — лишь монархом, Лисимаха — хранителем сокровищ, а Селевка — повелителем слонов (Plut. Mor. P. 823 C—D; Idem. Dem. XXV. 4; Athen. VI. 261 b)²⁹.

Жизнь показала, насколько неправомерными были притязания Антигона и Деметрия. Разгром и гибель Антигона в битве при Ипсе, а впоследствии падение Деметрия в Македонии были вызваны не только неблагоприятной политической обстановкой, перевесом военных сил их соперников, а скорее нежеланием отца и сына понять поставленную временем эллинизма задачу. Не созданная ими обширная и рыхлая, политическая и экономически неустойчивая держава, а новые, не столь крупные, но более устойчивые государственные объединения лучше соответствовали реальным политическим условиям. Парадоксальность ситуации 306 г. до н. э., по нашему мнению, заключалась в том, что, сам того не желая, Антигон Одноглазый стал примером для подражания другим диадохам. Борясь за сохранение под своей эгидой ставшей к концу IV в. до н. э. анахронизмом империи Александра, он способствовал конституционному оформлению в какой-то мере и ее политической противоположности — эллинистической монархии.

¹ См.: **Ранович А. Б.** Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 81; **Köhler U.** Das asiatische Reich des Antigonos // BS. B., 1898. Bd 2. S. 825; **Tarn W. W.** The Heritage of Alexander // CAH. 1927. Vol. 6. P. 464; **Wehrli Cl.** Antigone et Démétrios: Études et documents publiés par l'institute d'histoire de la Faculté des Lettres de Université de Genève. Geneva, 1968. Vol. 5. P. 32; **Bengtson H.** Griechische Geschichte. 3. Aufl. München, 1969. S. 370.

² Подробнее о поведении Антигона в этот период см.: **Briant P.** Antigone le Borgne: Les débuts de sa carrière et les problèmes de l'Assemblée macedonienne (Annales littéraires de l'Université de Besançon. Vol. 152). P., 1973. P. 121 ff. Наши замечания по поводу выводов Бриана сводятся к следующему: нельзя считать понижением дарования Антигону в Вавилоне его прежних полномочий. П. Бриан чересчур драматизирует положение Антигона после его ссоры с Пердиккой, и нельзя выяснить ход военных действий и роль Антигона в войне 322/21 гг. до н. э., базируясь на спорном тексте источника. См.: **Самохина Г. С.** [Рецензия] // ВДИ. 1982. № 2. С. 194—195. Рец. на кн.: **Бриан П.** Антигон Одноглазый. Париж, 1973.

³ Ценные, на наш взгляд, замечания, посвященные первой войне диадохов, см.: **Hauben H.** The First War of the Successors (321 B.C.): Chronological and Historical Problems // AncSoc. 1977. N 8. P. 85—120.

⁴ См.: **Beloch K. J.** Griechische Geschichte. 2. Aufl. Berlin; Leipzig, 1927. Bd 4 Abt. 2. S. 237—238.

⁵ О значении слов «страж», «блюститель», «наблюдатель» см.: **Passov P.** Handwörterbuch der griechischen Sprache. Leipzig, 1841. Bd 1. Abt. 1. S. 1108—1109; **Pape W.** Griechisch // Deutsches Handwörterbuch. 3. Aufl. Braunschweig, 1880. Bd 1. S. 980; **Liddel H. G., Scott R., Jones H. St.** Greek—English Lexicon. Oxford, 1929. Vol. 1. Bd 19. H. 4. P. 657.

⁶ О важности в правовом отношении всех этих изменений см.: **Schachermayer Fr.** Zu Geschichte und Staatsrecht der Frühen Diadochen Zeit // Klio. 1925. Bd 19. H. 4. S. 451—461.

⁷ См.: **Bengtson H.** Die Strategie in der Hellenistische Zeit. Bd 1; Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte. München, 1937. H. 26. S. 103.

⁸ Более подробно о ходе борьбы см.: **Шофман А. С.** Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С. 87—99; **Müller O.** Antigonos Monophthalmos und «das Jahr der Könige»; Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. Bonn, 1973. Bd 11. S. 17—44.

⁹ См.: **Cloché P.** La coalition de 315—311 av. J. C. contre Antigone le Borne // CRAI. 1957. P. 135—156; **Simpson R. M.** The Historical Circumstances of the Peace of 311 // JHS. 1954. Vol. 74. P. 29.

¹⁰ На это указывает Г. Хаубен. См.: **Hauben H.** Roal Toast in 302 B. C. // AC. 1974. Vol. P. 105.

¹¹ См.: **Head V. B.** Historia Nummorum. L., 1911. P. 229; **Setmann C. T.** Greek Coins: A History of Metallic Currency and Coinage down to the Hellenistic Kingdoms. 2-nd. ed. L., 1955. P. 221.

¹² См.: **Seltmann C. T.** Synopsis of the Coins of Antigonos I and Demetrios Poliorcetes // NCh. 1909. Ser. 4. Vol. 9. P. 265—266. Pl. 20. N 1—2.

¹³ См.: **Babelon E.** Les Perses Achéménides, les satrapes et les dynastes, tributaires de leur Empire, Chypre et Prénicie. P., 1893. P. 49—51; **Six J. P.** Monnaies grecques inédites et incertaines, XLVIII Antigone, roi de Babylone // NCh., 1898. Ser. 3. Vol. 18. P. 220—222. Pl. 15.

¹⁴ См.: **Babelon E.** Op. cit. P. 43 Nn. 304—305; Pl. 7. Nn. 9, 11.

¹⁵ См.: **Smith S.** Babylonian Historical Text, Belating to the Capture and Downfall of Babylon. L., 1924. P. 157; **Olmstead M.** Cuneiform Texts and Hellenic Chronology // CPh. 1937. Vol. 32. N 1. P. 4; **Bengtson H.** Die Strategie... Bd 1. S. 111; **Aymard A.** Du nouveau sur la chronologie des Séleucides // REA. 1955. T. 57. N 1. P. 105.

¹⁶ См.: **Müller O.** Op. cit. P. 78—107.

¹⁷ См.: **Briant P.** Op. cit. P. 22. Nn. 1.

¹⁸ Не подлежит сомнению, что здесь имеется в виду прежде всего вой-

ско. Неопределенность употребляемых Плутархом и Юстином терминов («ochlos kai plethos», «populus») в значительной мере мешает понять, какие именно силы — войско или народное собрание — приняли непосредственное участие в этом событии, так как П. Бриан и О. Мюллер приходят к прямо противоположным выводам по этому вопросу. Нам представляется, что решающую роль здесь сыграла особая политическая ситуация. Именно она должна была выдвинуть на первый план вооруженный народ, т. е. войско. Подробнее о возможности такого вывода см.: Самохина Г. С. [Рецензия] // ВДИ. 1982. № 2. С. 195—197. Рец. на кн.: Бриан П. Антигон Одноглазый. Париж, 1973; Она же. [Рецензия] // ВДИ. 1982. № 2. С. 199. Рец. на кн.: Мюллер О. Антигон Одноглазый. Бонн, 1973.

¹⁹ Подробнее о нем см.: Самохина Г. С. Роль так называемых друзей в раннеэллинистической монархии // Вестн. ЛГУ. № 14, История, язык, литература. 1975. Вып. 3. С. 63—64.

²⁰ П. Бриан и О. Мюллер справедливо видят в этом своеобразное театральное действо, организованное друзьями Антигона. См.: Briant P. Op. cit. P. 303—310; Müller O. Op. cit. S. 70—107.

²¹ Подробнее см.: Самохина Г. С. Место и роль армии в системе раннеэллинистического государства // ВДИ. 1979. № 3. С. 146—155.

²² Самохина Г. С. Развитие представления о chora doricetatos в эпоху эллинизма // Античный полис. Л., 1979. С. 92—101. Более обширный материал по данной проблеме приводит в своей работе А. Мель, который, однако, выводит «право завоевателя» только из особенностей политической ситуации эпохи диадохов, не останавливаясь на возможности влияния в создании такового представления греческой политической теории. Кроме того, А. Мель приходит к выводу о том, что с течением времени «право копы» перестает быть основным в структуре внешней политики эллинистических великих держав. Монархи как равноправные политические партнеры вынуждены в эпоху развитого эллинизма подыскивать иные аргументы для своих территориальных притязаний. См.: Mehl A. Dorictatos chora: Kritische Bemerkungen zum «Speererwerb» in politik und Völkerrecht der Hellenistischen Epoche // An.Soc. 1980—1981. N 11—12. S. 173—212.

²³ См.: Head V. B. Op. cit. P. 229; Seltmann C. T. A Synopsis... P. 267—268. Pl. 20. Nn. 4—6.

²⁴ См.: Ibid. Pl. 20 Nn. 3.

²⁵ Таково предположение Э. Невелла, известное нам по работе К. Верли. См.: Wehrli Cl. Op. cit. Pl. 8. Nn. 1.

²⁶ См.: Charbonneaux J. Antogone le Borne et Démétrios Poliorcètes sont-ils sur le sarcophage d'Alexandre? P., 1952. T. 2. P. 219—223.

²⁷ См.: Самохина Г. С. Деметрий — царь Македонии (294—288 гг. до н. э.) // Из истории античного общества. Горький, 1975. Вып. 1. С. 47—51.

²⁸ См. тщательный разбор источников: Hauben H. A Roal Toast in 302 B. C... P. 106—108.

²⁹ Нам представляется в целом верной трактовка источников, предложенная Г. Хаубеном, но мы не можем согласиться с его попыткой «привязать» сведения анекдотического характера к определенной дате. Ср.: Hauben H. Roal Toast in 302 B.C... P. 108—113.,

Е. П. ГЛУШАНИН
Алтайский университет

ЕЩЕ РАЗ К ЗАКОНУ О СКИРАХ 409 г.

В дискуссии о характере ранневизантийского общества IV—VI вв. закон о скирах 409 г. (CTh. V. 6.3) не случайно привлекает внимание исследователей, ибо содержащиеся в нем сви-